

ПРЕПОДОВНЫЙ
ИГНАТІЙ ПРИЛУЦКІЙ,

Въ міръ князь Іоаннъ,
вологодскій чудотворецъ

Свящ. І. Вѣрюжскаго.

ВОЛОГДА.

Печатано въ типографіи В. А. Гудкова-Блякова.

1879.

Отъ С -Петербур. Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. С.-Петербур. 12 Января 1879 года

Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

№ 21.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИГНАТИЙ ПРИЛУЦКІЙ И БРАТЬ ЕГО ДИМИТРІЙ.

Много вѣковъ въ Россіи, по смерти великаго князя, княженіе его переходило къ старшему въ родѣ: наследовалъ братъ послѣ брата и племянникъ послѣ дяди. Такой порядокъ престолонаслѣдія былъ причиною частныхъ смуть и кровопролитій между удѣльными князьями, домогавшимися великокняжескаго престола, а смуты и кровопролитія извурили и ослабили Россію и предали ее во власть татаръ. Видя это умные князья московскіе старались переменить древній обычай и, овладѣвши великокняжескимъ престоломъ, стали вводить новый порядокъ престолонаслѣдія по прямой нисходящей линіи отъ отца къ сыну, а чтобы удобнѣе установить единоедержавіе, стали съ одной стороны ограничивать власть удѣльныхъ князей, съ другой сокращать число самыхъ удѣловъ, присоединяя ихъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ къ великому княженію. Всѣ видѣли благодѣтельныя послѣдствія этой мудрой политики: Россія сплачивалась и укрѣплялась съ каждымъ годомъ, Москва, росла и дѣлалась истинно царствующимъ градомъ, самые татары становились менѣе страшны; но удѣльные князья, привыкшіе считать себя самовластными и равными великому князю, неохотно мирились съ новымъ порядкомъ вещей и всячески старались

отстоять прежнія свои права, для чего нерѣдко затѣвали ссоры и междуусобія съ великимъ княземъ и входили въ сношенія съ его врагами. Болѣе всѣхъ привелось потерпѣть отъ нихъ великому князю Василию Васильевичу Темному, котораго удѣльные князья, близкіе къ нему по крови, лишили было не только престола, но даже и зрѣнія. Но такова была сила многовѣковаго обычая, что и самъ Темный, благословивъ великимъ княженіемъ старшаго сына своего Іоанна III, не смотря на собственный горькій опытъ, четверемъ братьямъ его въ своей духовной назначилъ по прежнему удѣлы.

Третій изъ сыновей Темваго Андрей Васильевичъ большій, удѣльный князь Угличскій, былъ любимцемъ своей матери иногини Марѣы. Достигши совершеннаго возраста, онъ въ 1470 году вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью мезецкаго князя Романа ¹⁾ и въ 13 лѣтъ супружества съ нею прижилъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. ²⁾ Старшій сынъ его Іоаннъ, родившійся и крещеный въ Великихъ Лукахъ около 1477 года, съ самаго младенчества своего выказывалъ необыкновенную сдержанность, несвойственную дѣтямъ его возраста. «Бяше бо обычаемъ кротокъ и смиренъ сердцемъ «и молчаливъ въ разумѣ, а не гнѣвливъ отнюдь; ни игры «ни царскаго потѣшенія не внимаше», говоритъ о немъ писатель его житія старецъ Логгинъ, «и егда прииде въ разумъ, «повелѣша его учити божественному писанію и вскорѣ того «извыче.» Мать его княгиня Елена Романовна скончалась 2 Апрѣля 6991 (1483) года, ³⁾ а черезъ годъ послѣ нея

1.) Вѣщанъ 27 Мая въ недѣлю слѣпаго въ Москвѣ у Пречистой митр. Филиппомъ. Воскр. лѣт. лѣто 6978, стр. 158, т. VIII.

2.) Обоихъ сыновей князя Андрея крестилъ пр. Пансей Угличскій; восприемникомъ Дмитрія, родившагося въ 1479 году, былъ Морейскій князь Константинъ, впоследствии пр. Кассіанъ угличскій. Изъ дочерей одна была за княземъ Андреемъ Дмитриевичемъ Курбскимъ, другая за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кубенскимъ.

3.) Воскрес. лѣт. т. VIII, стр. 214.

и бабка его, мать великаго князя инокиня Марѳа (6993 — 1485 г. 4 Июля), особенно покровительствовавшая его родителю и удерживавшая великаго князя отъ строгихъ мѣръ противъ братьевъ. Великій князь былъ весьма недоволенъ своими братьями по слѣдующей причинѣ. Андрей большой и Борисъ обиженные съ одной стороны тѣмъ, что Іоаннъ III присоединилъ къ своему великому княженію удѣлы двухъ братьевъ Юрія и Андрея меньшаго, умершихъ бездѣтными, и не далъ имъ части изъ этихъ удѣловъ, — съ другой тѣмъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія навсегда лишалъ ихъ надежды получить когда либо великое княженіе, — по внушенію своихъ приближенныхъ, верѣдко входили въ сношенія съ врагами великаго князя, держали ихъ сторону и принимали къ себѣ недовольныхъ великимъ княземъ или провинившихся предъ нимъ.

Пораженный потерей любимой матери и какъ бы предчувствуя свою горькую участь, юный князь Іоаннъ еще болѣе предался чтенію божественныхъ книгъ, непрестанно имѣлъ въ умѣ своемъ память смертную, днемъ присутствовалъ при всѣхъ церковныхъ службахъ, а ночи проводилъ въ молитвѣ. Высшимъ наслажденіемъ для него были бесѣды съ людьми благочестивыми, любимымъ занятіемъ — благотвореніе и милостыня. Въ столь юномъ возрастѣ, окруженный толпою царедворцевъ, посреди шума и молвы житейской, онъ болѣе похожъ былъ на инока, нежели на наследника богатаго княженія. На дѣла и почести княжескаго званія онъ не обращалъ никакого вниманія, вообще все, что не относилось къ просвѣщенію разума и спасенію души, было для него совершенно чуждо и какъ бы не существовало. Воздержный въ пищѣ и питіи, онъ и одѣваться любилъ скромно и просто — насколько позволяло ему эту простоту его высокое званіе, и болѣе старался украшать себя благими нравами, нежели богатствомъ и пышностію одеждъ.

Когда нестало покровительницы — матери, князь Андрей

Васильевичъ по прежнему не старался ближе сойтись съ великимъ княземъ и приобрести его любовь и довѣренность, вслѣдствіе чего старшій братъ продолжалъ оставаться имъ недовольнымъ, хотя явнаго разрыва между ними еще не было и младшій братъ нерѣдко бывалъ въ гостяхъ у старшаго. Такъ какъ Андрей Васильевичъ не мало времени гостилъ въ Москвѣ, въ 1490 году, чрезъ годъ послѣ этого, пріѣхавши изъ Углича, 19 Сентября былъ принятъ великимъ княземъ весьма ласково, они казались совершенными друзьями, бесѣдовали искренно и весело и князь Андрей цѣлый вечеръ провелъ во дворцѣ. На другой день великій князь, чрезъ дворецкаго князя Петра Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, и когда тотъ прибылъ, встрѣтилъ его ласково, провелъ въ комнату, называвшуюся западнею, гдѣ посидѣлъ съ нимъ и немного поговоривши вышелъ въ другую комнату; брату онъ велѣлъ подождать его въ западнѣ, а боярамъ Андрея—идти въ столовую грядню, гдѣ всѣхъ ихъ немедленно взяли подъ стражу. Въ то же время къ князю Андрею вошелъ князь Семень Рязоловскій со многими князьями и боярами, обливаясь слезами, онъ едва могъ промолвить Андрею: «государь, князь Андрей Васильевичъ! пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ вся Руси, братомъ твоимъ старшимъ., Андрей всталъ и сказалъ: «волень Богъ, да государь, братъ мой старшій, князь великій Иванъ Васильевичъ; а судъ мнѣ съ нимъ предъ Богомъ, что беретъ меня неповинно.» ⁴⁾ Хотя Андрей сидѣлъ во дворцѣ съ перваго часу дня до вечера, по братья уже не видѣлись болѣе; послѣ вечера Андрей свелъ на казенный дворъ, оковали цѣпями и приставили стражу изъ многихъ князей и бояръ. Въ то же время послали въ Угличъ схватить сыновей Андреевыхъ Іоанна и Димитрія,

4.) Воскресн. лѣт. т. VIII, стр. 223. Карамз. VI, 195 Солов. V, 75.

которыхъ также заковали въ цѣпи, свезли въ Переяславль 22 Сентября и посадили въ темницу. Иоанну было тогда 13 лѣтъ отъ роду, а Дмитрію 12. Дочери князя Андрея не тронули и оставили въ Угличѣ на свободѣ, хотя удѣлъ и присоединили къ великому княженію. Это показываетъ, что не вражда и злоба противъ Андрея заставили Иоанна III принять такія крутыя мѣры и такъ жестоко поступить со своими родными, — а необходимость и польза государственная, — нужно было разъ навсегда порѣшить съ крамолами и междоусобіями удѣльныхъ князей, сдѣлать ихъ своими подручными и утвердить единодержавіе въ государствѣ. Мѣра жестокая, но необходимая и оправдываемая обычаями того грубаго и жестокаго вѣва; самъ Иоаннъ III такъ объяснялъ свой поступокъ митрополиту, когда тотъ пришелъ къ нему ходатайствовать за князя Андрея. «Жаль мнѣ брата и очень и «я не хочу погубить его и на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ онъ замышлялъ «на меня зло, потомъ каялся, а теперь опять началъ за «мышлять и моихъ людей къ себѣ притягивать. Да это бы «еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подь внукомъ ⁵⁾ моимъ и если самъ не добудетъ, то смутить дѣтей моихъ и стануть они воевать «другъ съ другомъ, а татары будутъ русскую землю губить, «жечь и плѣнить и дань опять наложить и кровь христіанская «опять литься будетъ, какъ прежде, и всѣ труды мои останутся напрасны и вы будете рабы татарь.»

Такъ какъ Переяславль находился недалеко отъ Москвы и на самой дорогѣ изъ нея къ Угличу — мѣсту княженія Андрея, а все это могло напоминать народу объ узникахъ и

5.) Иоаннъ III объявилъ тогда наследникомъ великокняжескаго престола внука Дмитрія, сына покойнаго старшаго сына Иоанна Иоанновича, и даже короновалъ его; но и этому Дмитрію, подобно князьямъ Угличскимъ, вмѣсто трона, привелось провести всю жизнь свою и умереть въ Тюрьмѣ. Истор. Госуд. Рос. т. VI, стр. 261.

возбуждать въ немъ сожалѣніе къ нимъ, чего великій князь конечно не желалъ, то дѣтей князя Андрея скоро перевезли на Бѣлоозеро также въ темницу, а самъ Андрей скончался въ Москвѣ 6 Ноября 7002 (1493) года. ⁶⁾ По смерти родителя юныхъ князей перевезли въ Вологду. Неизвѣстно, была ли на то воля великаго князя, или начальствующіе и темничные стражи ходѣли выслужиться предъ государемъ, только и здѣсь ихъ держали въ тяжкихъ оковахъ и въ самомъ тѣсномъ заключеніи. Все ихъ имущество состояло изъ одной иконы Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости -- наслѣдства и благословенія ихъ отъ родителя.

Чтобы понять всю тягость темничнаго заключенія для юныхъ князей угличскихъ, воспитанныхъ въ нѣгѣ и довольствѣ, надобно помнитъ, что такое была тюрьма (темница) у насъ въ Россіи въ XV вѣкѣ, особенно въ такихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, какими были тогда Бѣлоозеро и Вологда, куда никогда не проникалъ человѣколюбивый и сострадательный взоръ Государя, откуда не слышны были высшему начальству стоны и вопли узниковъ и гдѣ произволь тюремщика могъ безнаказанно замѣнять законъ и справедливость. О вологодской тюрьмѣ извѣстно, что даже въ концѣ XVII вѣка (1694 г.) при Петрѣ Великомъ многіе умирали въ ней отъ голода, тѣсноты и духоты. Каково же было въ ней за 200 лѣтъ ранѣе?

Въ столь юномъ возрастѣ исторгнутые изъ міра и потому не имѣвшіе даже времени и случая испытать его радости, пристраститься къ нему и поддаться его увлеченіямъ лишеныя родныхъ и друзей и видѣвшіе около себя только суровыя лица своихъ стражей,—въ чемъ иномъ могли на-

6.) Въ Воскрес. лѣт. т. VIII, стр. 227 значится: тое же осени (7002) Ноября 6 преставися князь Андрей Василѣвичъ большой, сидѣлъ въ тюрьмѣ на Москвѣ, на казенномъ дворѣ великаго князя два года и 47 дней и положиша его въ церкви Архангела на Москвѣ у сѣверныхъ дверей.

ходить себѣ отраду и утѣшеніе царственные узники, какъ не въ одной только молитвѣ къ Богу и къ усердной заступницѣ всѣхъ несчастныхъ и страждущихъ — Матери Божіей, святая икона которой всегда находилась предъ ихъ глазами? Только сознаніе своей невинности, вѣра въ Бога и надежда на Его Промыслъ, всегда премудро и отечески устрояющій пути человѣка, могли поддержать ихъ, спасти отъ унынія и отчаянія и даровать имъ то великодушное терпѣніе, съ какимъ они переносили свое долговременное и тяжкое заключеніе. Особенно благовѣрный князь Іоаннъ, проводившій дни и ночи въ молитвѣ, какъ бы не чувствовалъ тяготы узъ и темничнаго заключенія; онъ совершенно отрѣшился отъ міра и постоянно имѣя въ умѣ своемъ память смертную, достигъ такого духовнаго совершенства и стяжалъ такое смиреніе и умиленіе, что непрестанно проливалъ слезы. Когда братъ его Димитрій начиналъ изнемогать, предаваться печали и унынію, онъ старался утѣшать его, напоминалъ ему о Богѣ, о терпѣніи святыхъ, о будущемъ возданіи страждущимъ невинно и не отступалъ отъ него дотолѣ, пока тотъ не ободрялся и не переставалъ жаловаться на свое положеніе. «Не скорби, любезный братъ мой, о своихъ узахъ и темницѣ, говорилъ онъ. Богъ внушилъ дядѣ нашему, государю великому князю Іоанну Васильевичу позаботиться о пользѣ душъ нашихъ, отлучить насъ отъ сего суетнаго свѣта, чтобы отнять отъ насъ заботу о немъ. Недостойны мы того, чтобы жить намъ на семь свѣтѣ по волѣ своей, на свободѣ; будемъ же молиться о томъ, чтобы неволя эта послужила намъ въ пользу, чтобы далъ Богъ силу съ радостію до конца терпѣть ее во имя Господа нашего Іисуса Христа, чтобы избавиться намъ чрезъ то мукъ вѣчныя. Должны мы молиться и о государѣ дядѣ нашемъ и о дѣтяхъ его, потому что они сдѣлались ходатаями и виновниками нашего спасенія и пегутся о душахъ и тѣлахъ нашихъ, приготовивъ намъ это покойное мѣсто, чтобы внимать намъ себѣ во

«псалмахъ и пѣніи и чтеніи книгъ, какъ отцы святыя жили. «Не всѣ ли они шествовали путемъ скорбнымъ, перенося «голодь и жажду, стужу и наготу, въ темницахъ и ранахъ «и во всякомъ лишеніи, и однако не унывали о томъ, а «еще радовались? Такъ и намъ подобаешь, унижая самихъ «себя, поревновать имъ благою ревностію, чтобы безропотно «подражать ихъ злостраданіямъ, болѣзнямъ и терпѣнію. Свя- «тыхъ Апостоловъ побивали камнями, такъ же и святыя «мученики потерпѣли различныя муки, а преподобные отцы «сами себя мучили, оставляя отца, мать, жену и дѣтей и «весь міръ, терпѣли для Бога и голодь и жажду; а мы «грѣшныя не сдѣлали ничего добраго на свѣтѣ, не порев- «новали житію и страданію святыхъ и потому поистинѣ до- «стойны всякаго осужденія и ранъ и мученія.» Такъ бла- «женный страдалецъ смотрѣлъ на свою земную участь, какъ на строеніе благой премудрости Божіей, обращающей и оши- «бочныя дѣла людскія въ средства ко спасенію; такъ въ чи- «стой душѣ его за скорбію слѣдовала терпѣливость, за тер- «пѣливостію духовная опытность, за опытностію — надежда, а надежда не оставляетъ въ стыдѣ. Одушевляемый ею старшій братъ утѣшалъ младшаго и слова его казались цѣлебнымъ бальзамомъ для души послѣдняго. Но кто можетъ передать всѣ трогательныя, утѣшительныя его бесѣды, исчислить мелитвенныя воздыханія и слезы, постичь его истинно ангельское терпѣніе и самоотверженіе? Подобно брату своему находясь въ узахъ и темницѣ, перенося съ нимъ одинаковыя лишенія и скорби и самъ нуждаясь въ утѣшеніи и помощи, онъ часто долженъ былъ забывать о самомъ себѣ, чтобы помочь изнемогающему брату и спасти его отъ отчаянія; когда онъ успѣвалъ въ этомъ, то духовно радовался и это была единственная его радость въ теченіи долговременной, страдалческой его жизни. Другихъ радостей они не имѣли и не могли имѣть.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ, какъ братья оставили

свой красивый и богатый Угличъ и, вмѣсто обширныхъ и свѣтлыхъ родительскихъ палатъ, томились въ тесной, мрачной и душной темницѣ, вмѣсто золотыхъ цѣпей и другихъ княжескихъ украшеній, носили тяжелыя оковы и желѣзныя цѣпи. Не мало переменъ произошло на свѣтѣ въ это время, встало и невольнаго виновника ихъ заключенія. Великій собиратель русской земли уже окончилъ славный свой подвигъ для блага отечества и давно занялъ мѣсто подлѣ своего отца подъ сводами Архангельскаго собора, — въ Россіи царствовалъ двоюродный братъ ихъ великій князь Василій Ивановичъ; сами братья, нѣкогда малолѣтнія дѣти, не только достигли зрѣлаго возраста, но уже близились къ старости. Только въ ихъ несчастномъ положеніи не было никакой перемены: все та же тѣсная и мрачная тюрьма, тѣ же тяжелыя цѣпи и оковы, тѣ же суровыя лица тюремщиковъ; и не было никакой надежды освободиться отъ всего этого, подышать вольнымъ воздухомъ и насладиться свободою. Объ нихъ никто не думалъ, не вспоминалъ, тюрьма должна была сдѣлаться для нихъ могилою.

Наступала тридцать вторая весна ихъ заключенія, природа видимо пробуждалась и оживала, воздухъ становился теплѣе, солнечныя лучи сильнѣе пробивались сквозь узкія окна темницы, долѣе и ярче освѣщали мрачную внутренность, по временамъ слышалось въ воздухѣ пѣніе птицъ, земля съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе покрывалась свѣжею зеленью и цвѣтами. Но и это — лучшее и пріятнѣйшее время года, радостное даже для узниковъ, не радовало нынѣ князя Дмитрія, потому что старшій братъ его Іоаннъ, единственный другъ и утѣшитель, былъ нездоровъ, съ каждымъ днемъ становился слабѣе и слабѣе и уже нѣсколько дней не могъ встать съ постели. Напрасно князь Дмитрій старался утѣшить его надеждою на выздоровленіе; Іоаннъ не только не вѣрилъ его словамъ, но и не желалъ выздоровленія: смерть была для него радостію, окончаніемъ всѣхъ его страданій и

давножеланною гостьею, которая соединитъ его со Христомъ къ которому постоянно стремилось его сердце, и откроетъ ему новый міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни страданія, ни печали и воздыханія,—оттого онъ и ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ. Одного только сильно желалъ страдалецъ— быть постриженнымъ, видѣть себя причтеннымъ къ лику иноковъ, по примѣру многихъ изъ своихъ державныхъ предковъ; если что нѣсколько смущало и огорчало его— то это любовь и состраданіе къ брату, для котораго узы и темница безъ него, въ полномъ одиночествѣ, какъ онъ предвидѣлъ, будутъ казаться еще болѣе тяжкими. Поэтому, забывая собственные страданія, онъ старался уже слабымъ и прерывающимся отъ болѣзни голосомъ—утѣшать и ободрять его. По неотступнымъ просьбамъ Іоанна призвали въ темницу къ болѣзненному одру его Спасоприлуцкаго игумена Мисаила, который зная, что блаженный страдалецъ всю жизнь свою провелъ въ постничествѣ и воздержаніи, въ терпѣніи и злостраданіи, и видя его пламенное желаніе, вѣру и крайнее изнеможеніе, не только не отказалъ ему въ постриженіи, но и облегъ его въ схиму, нарекиши его Игнатіемъ. Новый схимникъ несказанно обрадовался своему ангельскому образу, пролилъ благодарственныя къ Богу слезы и послѣ причащенія святыхъ Таинъ осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ со словами: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой,» предалъ страдальческій духъ свой Богу. Онъ скончался тихо и мирно 45 лѣтъ отъ роду, изъ нихъ 32 года провелъ въ темницѣ. Это было 19 Мая 1522 года.

Видя кончину брата, князь Дмитрій, пораженный тяжелою скорбію, палъ на бездыханное тѣло его и громко зарыдалъ, цѣлуя и обливая почившаго своими слезами, онъ жалобно говорилъ ему какъ живому: «о любезный и дорогой братъ и господинъ мой! Нынѣшнее мое разставанье съ тобою тяжелѣе и горче для меня всѣхъ моихъ несчастій. Когда я лишился родителя, въ тебѣ имѣлъ отца, друга

«и утѣшителя и нечувствовалъ горести сиротства и тягости тюрьмы. А теперь кто утѣшитъ меня въ горести моего заключенія, кто ободритъ и развѣтетъ скорбь мою? Не зная, что мнѣ дѣлать, какъ будетъ и жить безъ тебя? Горѣ мнѣ нынѣ, отецъ преподобный! Одного ты менѣ бѣднаго оставилъ въ этой темницѣ оплакивать грѣхи мои!» Но въ то же время взирая на спокойное и свѣтлое лицо усопшаго брата, который казался не умершимъ, а какъ бы уснувшимъ и—обоняя исходившее отъ тѣла благоуханіе, которымъ наполнилась не только темница, но и лежащія къ ней мѣста—Димитрій переставалъ плакать и радовался блаженной кончинѣ брата, видя въ ней конецъ его страданій и нимало не сомнѣваясь въ ожидающемъ его блаженствѣ.

Какъ не можетъ укрытиса градъ, стоя на верху горы, такъ отъ жителей города Вологды не утаилась святая и подвижническая жизнь, истинно ангельское терпѣніе и незлобіе царственнаго узника, несмотря на то, что по причинѣ строгаго заключенія его никто почти не зналъ и не видалъ. Кромѣ его высокаго происхожденія, уже одно то, что онъ такъ долго находился въ узахъ и темницѣ, незная за собою никакой вины, невольно внушало каждому уваженіе къ нему и заставляло смотрѣть на него какъ на мученика,—оттого, лишь только разнеслась вѣсть о блаженной его кончинѣ, всѣ жители города, отъ мала до велика, собрались къ дверямъ темницы, желая видѣть, цѣловать тѣло страдальца и отдать ему послѣдній долгъ проводить до могилы. Не было позволено этого одному тому, кто былъ любимъ и самъ любилъ покойнаго болѣе всѣхъ, брату его князю Димитрію, не смотря на его вопли и рыданія, ему не позволили проводить брата далѣе порога тюрьмы. При звонѣ колоколовъ ближайшихъ къ темницѣ церквей и при необыкновенномъ множествѣ народа, игумень Мисанлъ со всею монастырскою братією и съ градскимъ духовенствомъ, съ

великою честію изнесли изъ тюрьмы тѣло князя—схимника и направились съ нимъ къ соборной церкви Воскресенія Христова, гдѣ должно было совершиться его отпѣваніе. Какъ бы въ замѣнъ того, что вся жизнь угодника Божія сокрыта была во мракъ темницы, Господь успѣшилъ прославить его, прежде нежели сокрыто будетъ въ землѣ его тѣло. Еще во время медленнаго шествія ¹⁾ къ соборной церкви святыя мощи Игнатія начали изливаться исцѣленія. Одна разслабленная женщина, по имени Александра, жившая въ посадѣ въ приходѣ св. Георгія, не владѣла ни руками, ни ногами; услышавши о кончинѣ благовѣрнаго князя, она стала призывать его въ молитвѣ и просить исцѣленія отъ болѣзни и тотчасъ же получила отъ нея исцѣленіе. На другой день, когда выносили изъ темницы тѣло святаго въ соборъ, она велѣла вести себя за гробомъ его и какъ только прикоснулась къ нему, почувствовала себя совершенно здоровою. По совершеніи въ соборѣ божественной литургіи и послѣ отпѣванія игумень Мисаиль, въ сопровожденіи всего народа, перенесъ тѣло князя-схимника въ свою обитель и положилъ его въ ноги чюдотворца Димитрія подъ церковнымъ алтаремъ. Здѣсь, прежде нежели успѣли предать тѣло землѣ, новое чудо засвидѣтельствовало святость усопшаго. Нѣкто Михаилъ изъ Прилуцкаго села былъ одержимъ смертною болѣзнію и уже отчаялся въ выздоровленіи; услышавъ о погребеніи въ монастырѣ благовѣрнаго князя, онъ велѣлъ нести себя въ монастырь; въ это время пѣли уже послѣднюю панихиду надъ усопшимъ и лишь только больной прикоснулся къ его гробу, тотчасъ же сталъ здоровъ, какъ будто не былъ боленъ. Эти и многія другія чудеса и исцѣленія, полученныя людьми послѣ молитвеннаго призванія имени благовѣрнаго князя Іоанна (Игнатія), убѣдили всѣхъ въ его святости, вслѣдствіе чего игумень Мисаиль, при-

1) Отъ множества народа, желавшаго прикоснуться къ гробу и поцѣловать св. мощи.

звавши изъ того же Прилуцкаго села каменщика Давида, велѣлъ ему сдѣлать надъ могилою князя каменную гробницу, по подобію гробницы надъ чудотворцемъ Димитріемъ. Но когда Давидъ по невѣжеству своему во время работы сѣлъ безъ всякаго уваженія на гробницу князя, — въ ту же минуту почувствовалъ нестерпимую боль, та часть тѣла, которою онъ такъ неуважительно прикасался къ гробницѣ, страшно распухла, такъ что онъ не могъ ни ходить, ни сидѣть. Три дня продолжались его страданія, пока онъ, сознавши свою вину, не пришелъ ко гробу святаго и многими слезами не испросилъ у него прощенія себѣ; онъ такъ же скоро получилъ исцѣленіе, какъ и заболѣлъ и, добывши свою работу, съ радостію возвратился въ свой домъ, прославляя угодника Божія Игнатія.

Въ томъ же Прилуцкомъ селѣ жила женщина Соломонія, которая не слышала ушами и не видѣла однимъ глазомъ въ продолженіи 20 лѣтъ; узнавши о чудесныхъ исцѣленіяхъ, получаемыхъ при гробѣ пр. князя Игнатія, она пришла въ монастырь, помолилась святому и какъ скоро приложила къ его гробу, тотчасъ почувствовала себя совершенно здоровою, стала слышать и видѣть обоими глазами.

Нѣкто Борисъ Соловцевъ, услышавши о погребеніи въ Прилуцкомъ монастырѣ благовѣрнаго князя Игнатія и о чудесахъ, бывающихъ у гроба его, привелъ въ монастырь своего человѣка Иродіона, который уже годъ былъ нездоровъ глазами и болѣзнь, несмотря ни на какія лекарства, все болѣе и болѣе усиливалась, такъ что нужно было опасаться, что онъ скоро совсѣмъ ослѣпнетъ. По совершеніи молебствія, когда Иродіонъ со слезами и съ вѣрою приложился къ гробамъ пр. Димитрія и князя Игнатія, онъ тотчасъ же исцѣлѣлъ и не могъ удержаться, чтобы отъ радости не вскричать о томъ, что онъ все осно видитъ по прежнему.

При игуменѣ Аѳанасіи—преемникѣ Мисаила, скончав-

шагося въ 1538 году, была приведена въ Прилуцкій монастырь съ Масляной изъ деревни Павшино женщина Дарья, имѣвшая скорченную руку, которую пригнуло у нея къ персямъ подъ пазуху, такъ что никакъ невозможно было ее разогнуть. Издержавши не мало денегъ на врачей и лекарства и не получивши отъ нихъ никакой пользы, она просила игумена и братію испросить ей у святыхъ угодниковъ исцѣленіе отъ болѣзни и дала въ монастырь немалую милостыню. Видя ея усердіе и вѣру, игумень Аѳанасій приказалъ ударить въ било для собранія въ церковь всей братіи, братія собрались и совершивъ соборное молебствіе къ преподобнымъ объ исцѣленіи болящей, разошлись по своимъ кельямъ. Больную плачущую и рыдающую отвели изъ церкви въ гостинную келью, гдѣ она тотчасъ же забылась и въ тонкомъ снѣ вдругъ услышала голосъ; «Чудотворцы идутъ». Ей показалось, что въ кельѣ стало необыкновенно свѣтло, двери растворились и преподобные сперва Игнатій въ одеждѣ схимника, а за нимъ чудотворецъ Димитрій вошли въ келью. Пр. Димитрій явился въ священномъ облаченіи и обращаясь къ Игнатію сказалъ: «отче, прости сію женщину отъ ея болѣзни». Преподобный Игнатій подошелъ къ Соломоніи и, взявши ее за больную руку, сказалъ ей: «встань»! Женщина отъ страха пробудилась и хотя никого не увидѣла въ кельѣ, но тотчасъ же почувствовала себя исцѣленною и совершенно здоровою. Когда она объявила игумену о случившемся съ нею, онъ вторично собралъ всю братію для совершенія благодарственного молебствія преподобнымъ за такое дивное чудо.

Монахъ Прилуцкаго монастыря Гурій, исправлявшій пономарскую должность, долгое время страдалъ столь тяжкою зубною болѣзнію, что не могъ ни ѣсть, ни пить и совершенно лишился сна. Отъ долговременной бессонницы и болѣзни онъ сталъ какъ бы внѣ ума и ходилъ какъ помѣшанный. Однажды ночью очувствовавшись, онъ пришелъ

ко гробу пр. Игнатія и со слезами молился о своемъ исцѣленіи; когда онъ послѣ молитвы приложился къ гробницѣ его и потеръ свои десны находившимся на ней покровомъ, тотчасъ же сдѣлался здоровъ и нечувствовалъ уже никакой боли.

Житіе и чудеса пр. Игнатія написаны были вскорѣ послѣ его кончины, въ первой половинѣ XVI вѣка современникомъ его монахомъ Лонгиномъ, который въ заключеніи своего сказанія пишетъ, что онъ отъ многого собралъ въ немъ малое, что отъ гроба пр. Игнатія, какъ изъ неизчерпаемаго источника, всѣ приходящіе къ нему съ вѣрою получаютъ исцѣленія, такъ что всего не можно и писанію предати. — Мощи пр. Игнатія почиваютъ подъ спудомъ среди нижней церкви Прилуцкаго монастыря въ ногахъ чудотворца Димитрія, съ лѣвой стороны столба, поддерживающаго своды. — Церковная служба князю страдальцу извѣстна по рукописямъ XVI вѣка.

Послѣ блаженной кончины пр. Игнатія судьба брата его благовѣрнаго князя Димитрія, ни въ чемъ не измѣняясь въ сущности, должна была сдѣлаться для него еще болѣе горькою и невыносимою, такъ какъ теперь къ тягости тюремнаго заключенія присоединялась еще и скорбь одиночества: не было уже друга и утѣшителя, всегда старавшагося предохранить его отъ унынія и своими благоразумными увѣщаніями вливавшего мужество и терпѣніе въ его сердце. Ожидать состраданія и утѣшенія со стороны было напрасно; если и живы были еще его сестры и другіе родственники, то что они могли сдѣлать въ пользу узника противъ воли великаго князя? Да неизвѣстно еще, знали ли они о мѣстѣ его заключенія. Со смертію любимаго брата лишившійся послѣдняго утѣшенія въ жизни, князь Димитрій не могъ безъ ужаса представить своего положенія и свѣкнуться съ мыслию о своемъ одиночествѣ, — падая предъ иконою Божіей Матери, онъ со слезами просилъ ее послать ему смерть

для соединенія съ братомъ, но еще долго страдальцу пришлось ожидать ее! Черезъ пять лѣтъ по кончинѣ пр. Игнатія, когда уже гробъ его едѣлся источникомъ исцѣленій и широко распространилась слава о его святости и чудесахъ, самъ великій князь пріѣхалъ въ Вологду. Пріѣздъ его случился къ празднику Рождества Христова, когда было въ обычаѣ подавать милостыню и дѣлать нѣкое облегченіе ворами и разбойникамъ, находящимся въ заключеніи, а Василій Ивановичъ для того именно и пріѣзжалъ, чтобы оказать милости. «Лѣта 7037 (1528) князь великій Василій Ивановичъ и съ великою княгинею былъ на Вологдѣ и въ монастыряхъ у чудотворцевъ: въ Кирилловѣ, на Каменномъ, въ Глушицахъ, на Прилукѣ у Спаса, въ Корнилевѣ и въ Павловѣ пустыни и милостыню велию давалъ и потѣшеніе по монастыремъ и въ градъ попомъ, а велѣлъ молиться о чадородіи, чтобы далъ Богъ отродъ у него былъ, говоритъ лѣтсписецъ. Бывши на Прилукахъ у мощей пр. Дмитрія, Василій Ивановичъ не могъ не видѣть гроба новаго чудотворца, своего двоюроднаго брата, не могъ при этомъ не вспомнить и о князѣ Дмитріѣ, томившемся въ узахъ. Казалось, что ищущій себя милости и самъ будетъ милостивъ, что наступилъ часъ освобожденія царственаго узника, тѣмъ болѣе, что само Небо свидѣтельствовало о его невинности и какъ бы ходатайствовало за него, прославляя пр. Игнатія. Естественно могъ ожидать этого и самъ Дмитрій, но къ сожалѣнію ему горько пришлось обмануться въ своихъ надеждахъ. Великій князь, объѣхавъ всѣ монастыри, побывавъ вездѣ и всѣхъ одаривъ, не посетилъ только узника въ его темницѣ, не только не облегчилъ его участи, но даже и не попытствовалъ его видѣть, такимъ образомъ оказалъ близкому родственнику своему явное безсердечіе и жестокость. Исторія не ставитъ въ вину Іоанна III заключенія брата его Андрея Васильевича, князя добраго и набожнаго, но петвердаго характе-

ромъ и легко поддававшася совѣтамъ другихъ, а потому ненадежнаго и опаснаго для великаго князя. Это было дѣломъ политической необходимости и государственной пользы. Но для Василя Ивановича какая была необходимость въ заключеніи князя Дмитрія, ничего не имѣвшаго, всѣми забытаго и оставленнаго? Чѣмъ онъ могъ быть опасенъ Василю? Безцѣльное, невызываемое никакими побужденіями содержаніе князя Дмитрія въ темницѣ и узахъ не должно ли лечь неизгладимымъ, чернымъ пятномъ на царствованіе Василя?

Пріѣздъ великаго князя въ Волгду, возбудившій въ князѣ Дмитріѣ столько не сбывшихся надеждъ, былъ для него хорошимъ урокомъ забыть о мірѣ, какъ міръ забылъ о немъ, и всѣмъ сердцемъ прилѣпиться къ единому Господу, терпѣливо перенося возложенный на него крестъ и отъ Него единаго ожидая себѣ помощи и спасенія. Урокъ этотъ не остался безплоднымъ для узника. Уже по смерти Василя, въ малолѣтство сына его Іоанна IV, боярская дума, по настоянію тогдашняго правителя государства, добраго и просвѣщеннаго князя Ивана Федоровича Бѣльскаго, въ 1540 году сняла съ узника (ему было тогда болѣе 60 лѣтъ) оковы и велѣла пустить въ его тюрьму болѣе свѣта и воздуха, но и тогда не отворили ему темницы и не возвратила свободы. Пробывъ въ заключеніи цѣлыя 50 лѣтъ и какъ бы заживо погребенный, онъ былъ забытъ всѣми, такъ что и время кончины его осталось неизвѣстнымъ. «А братъ его (Игнатія) благовѣрный князь Дмитрій Андреевичъ, послѣ «его поживе лѣта довольна добрымъ и богоугоднымъ житіемъ, преставися ко Господу и погребенъ быть въ томъ «же монастырѣ при ногахъ брата», говоритъ лѣтописецъ, неупомянувъ ни о годѣ, ни о мѣсяцѣ и днѣ его кончины. Кончина благовѣрнаго князя послѣдовала около половины XVI вѣка, а такъ какъ въ началѣ XVII вѣка Прилуцкій монастырь подвергался неоднократнымъ грабежамъ и раззоре-

ніямъ, во время которыхъ всѣ архивы и записи были сожжены и уничтожены, то и неизвѣстно, были ли какія чудеса и исцѣленія отъ его гроба. Однако онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Игнатіемъ былъ помѣщенъ митрополитомъ Евгеніемъ въ спискѣ угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Вологодской епархіи, а такъ же и въ историческомъ словарѣ святыхъ, прославленныхъ въ російской церкви (Спбургъ. 1836 г.) Вериги его донынѣ хранятся вмѣстѣ съ веригами преподобныхъ Дмитрія и Игнатія, а надъ могилою его устроена была гробница, подобная гробницамъ преподобныхъ. ¹⁾ Такъ какъ она находилась на востокъ, очень близко къ алтарю и при устроеніи церкви во имя пр. Дмитрія препятствовала постановкѣ иконостаса, то вѣроятно въ это время 1641 г.) и была снята.

1) Въ описи Прилуцкаго монастыря за 1623 и 1638 годъ значатся: „да подъ благовѣрнымъ княземъ Игнатіемъ гробница деревянная, поволочена (покрыта) мухойромъ чернымъ (бухарская ткань, бумажная пополамъ съ шерстью или шелкомъ); покровъ камка (шелковая китайская ткань съ разводами) багрова, ветхъ, опушка мухойръ лазорева; крестъ нашитъ полотняный, поднесенъ шиты шелкомъ, подложенъ крашеной лазоревою. Да надъ благовѣрнымъ княземъ Дмитріемъ гробница деревянная, поволочена мухойромъ зеленымъ; покровъ тафта (шелковая тонкая ткань) багрова, крестъ нашитъ тафтямъ, бѣлъ. Вологод. епарх. вѣд. 1874 № 13.
